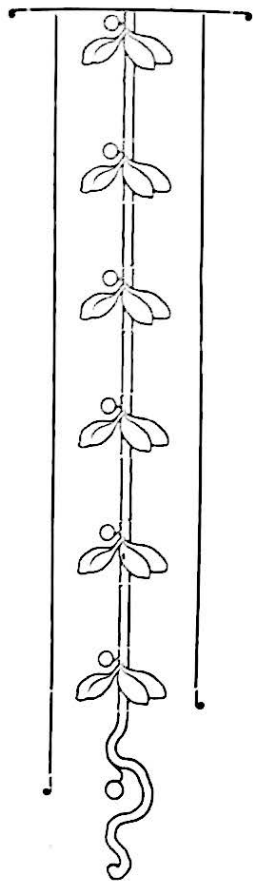

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ.}}$ 1910.

Чеховъ и Таганрогъ.

Если вѣрно то, что окружающее въ дѣтствѣ поэтовъ и писателей налагаетъ на ихъ творчество неизгладимую печать, то это какъ нельзя лучше оправдывается на творчествѣ А. П. Чехова.

Когда вы читаете его произведенія, когда вы всматриваетесь въ изображаемую имъ жизнь, передъ вами всегда вырисовывается глухой, заброшенный провинціальный городокъ и вокругъ него „безконечныя, очаровательныя своимъ однообразіемъ степи“.

„Я зналъ, что Кимры добываютъ себѣ пропитаніе сапогами, что Тула дѣлаетъ самовары и ружья, что Одесса—портویи городъ, но что такое нашъ городъ и что онъ дѣлаетъ—я не зналъ. („Моя жизнь“).

Этотъ безличный „нашъ городъ“ является тѣмъ обязательнымъ и неизбѣжнымъ фономъ, на которомъ проходятъ всѣ созданія творчества Чехова.

На этомъ фонѣ проходитъ сѣрая, безрадостная жизнь провинціала. („Моя жизнь“).

На этомъ фонѣ мнутъ тоскующія по Москвѣ „Трисестры“.

На этомъ фонѣ длинной вереницей проходятъ всѣ хмурые, маленькіе, ничтожныя, обезличенныя и обезличиваемыя сѣрою скукой, тусклой обыденщиной люди, которыхъ такъ изумительно зналъ и изображалъ Чеховъ.

Чтобы одной фразой, часто однимъ словомъ такъ освѣщать всю ихъ интимную сущность, нужно съ ними срастись, сжиться, какъ сживаются со своими родными, какъ сживаются съ комнатою, съ мебелью, съ обоями, среди которыхъ проводятъ долгіе годы.

А. П. родился, какъ извѣстно, въ Таганрогѣ. Тамъ провелъ онъ свое дѣтство и гимназическіе годы.

Тамъ впервые чуткою душой воспринималъ онъ впечатлѣнія и образы окружающей жизни, которые потомъ съ такою яркою и поразительною силой выявилъ въ своемъ творчествѣ.

И можно съ увѣренностью сказать, что Таганрогъ сыгралъ въ замѣчательномъ творчествѣ Чехова если не первую, то во всякомъ случаѣ огромную роль.

Тому, кто хоть немного знакомъ съ Таганрогомъ, живо вспоминается этотъ городъ, когда онъ читаетъ описаніе Чехова какого-нибудь скучнаго, безличнаго провинціальнаго города, гдѣ уныло, безрадостно живутъ хмурые люди, гдѣ жизнь похожа на грустныя сумерки.

Свѣжаго человѣка, впервые попавшаго въ Таганрогъ, сразу же поражаетъ тишина и заброшенность улицъ.

Эти большія, безконечныя улицы, мощенныя только въ мѣстахъ, прилегающихъ къ центру, стоятъ всегда малолюдныя и сонныя.

Вяло движутся по центральнымъ улицамъ прохожіе, вяло тарыхтятъ колеса убогихъ извозчиковъ.

По вечерамъ главная, Петровская, оживляется на часъ, на два.

А ночью тихо и глухо въ пустынныхъ улицахъ. Фасады домовъ, у которыхъ „упрямое, черствое выраженіе, линіи сухія, робкія, крыши низкія, приплюснутыя“, стоятъ темныя, съ плотно запертыми ставнями. Плотно закрыты калитки дворовъ.

Ночью таганрожцы бояться въ одиночку ходить даже по Петровской.

Глушь улицъ расплодила немовѣрное количество грабителей.

Если вы захотите ознакомиться съ достопримѣчательностями Таганрога и спросите о нихъ кореннаго жителя, онъ сначала удивленно вскинетъ на васъ глаза, словно изумится тому, что въ ихъ городѣ вздумали искать достопримѣчательности, а потомъ, медленно соображая, станетъ припоминать:

— Дворецъ, гдѣ жилъ и умеръ императоръ Александръ Первый, видѣли?

Вы отвѣтите, что видѣли маленькій желтый домикъ, у воротъ котораго стоитъ полосатая будка, а у будки солдаты.

— Памятникъ Петру Великому видѣли?

Вы отвѣтите, что ужъ успѣли его не только видѣть, но и изучить.

— И домъ Чеховыхъ тоже видѣли?

Вы отвѣтите, что послѣднее васъ, главнымъ образомъ, и заинтересовало въ Таганрогѣ.

Тогда таганрожецъ разведетъ руками и скажетъ:

— Ну, кажется, больше ничего и нѣтъ.

Но если внѣшность Таганрога и украшена тремя упомянутыми достопримѣчательностями, то внутренняя его жизнь 356 и этого лишена. Здѣсь царить та блаженная обывательская

тишина и безцвѣтность, та тина обывательской разрыхляющей скуки, гдѣ блекнетъ неудовлетворенная молодость, гдѣ вянутъ порывы благородной души, гдѣ тускнѣетъ мысль, гдѣ на пустыки растрачивается сила и бодрость, гдѣ паутина мелкихъ гнѣздовыхъ интересовъ, сплетенъ, зависти и дразгъ опутываетъ жизнь.

Дворяне, чиновники, маленькая кучка интеллигентовъ и мелкіе обыватели — всѣ хоть и обособились другъ отъ друга, но всѣ одинаково застряли и задыхаются въ болотѣ обывательскихъ мелочей.

Люди „съ инстинктами общественности“ порою порываются создать нѣкоторую общественную жизнь. Но и эти порывы быстро гаснутъ въ тусклой атмосферѣ города.

И люди „съ инстинктомъ общественности“ горестно удовлетворяютъ свои порывы въ Общественномъ собраніи, гдѣ два раза въ недѣлю до разсвѣта играютъ въ лото, а въ другіе дни либо играютъ въ карты, либо ужинаютъ; ходятъ изрѣдка въ старенькій, обветшалый театръ, гдѣ прозябаетъ посредственная драматическая или опереточная труппа, и, наконецъ, создаютъ „волненіе крови“ въ тѣхъ же мелкихъ дразгахъ „на почвѣ общественныхъ дѣлъ“.

Двѣ мѣстныя газеты, — что для русскаго провинціального города звучитъ очень громко, — расходятся, однако, въ тиражъ, который въ общей сложности не превышаетъ 3 тысячъ номеровъ.

Есть, впрочемъ, у Таганрога, какъ у „Трехъ сестеръ“, своя мечта о Москвѣ.

Это мечта о глубокомъ портѣ.

— Устроить въ Таганрогѣ глубокій портъ, и тогда для Таганрога начнется новая жизнь!

Только этой единственной и, кажется, недостижимой мечтой и живъ Таганрогъ.

Забитая, хмурая, сумеречная, унылая, какъ осенній вечеръ, жизнь русскою провинціи вся рельефно отчеканилась на жизни и физиономіи Таганрога.

Эту жизнь Чеховъ впервые увидѣлъ и узналъ въ тихихъ, глухихъ улицахъ, подъ приплюснутыми крышами домовъ Таганрога.

И оттого кровными нитями связано творчество Чехова съ этимъ городомъ сумеречной жизни и хмурыхъ людей.